

Владимир ШНЮКОВ

г. Вологда

Заблудились

рассказ

Милан — отличный город. Я довольно часто бываю здесь по делам своего института и каждый раз возвращаюсь домой с некоторым сожалением, но на этот раз хотелось побыстрее уехать. Двое суток сижу в аэропорту, не могу улететь из-за непогоды — Альпы обложили Милан снегопадом. Только что нужный мне рейс на Берлин в очередной раз отложили на неопределённое время, и я вновь задремал в кресле зала ожидания, а потом и вовсе уснул.

Приснилось, что я бегу по аэродрому, догоняю убегающий от меня по взлётной полосе самолёт; за самолётом волочится верёвка, за которую я пытаюсь уцепиться, чтобы удержать махину, но никак не могу ухватить кончик...

Разбудил меня взрыв хохота. Вздрыгнул, осмотрелся. От души веселились четверо молодых испанцев, указывая в сторону взлётной полосы, хорошо видимой через стеклянную стену. Я посмотрел туда и тоже невольно улыбнулся. Рядом со зданием аэропорта приземлился неведь откуда взявшийся, несмотря на метель, маленький самолёт, похожий на наш Ан-2. Но при торможении пилот, видимо, не справился с управлением на скользкой полосе, и самолётик врезался в снежную гору, что накидала снегоуборочная машина; врезался так, что ушёл в снег наполовину. Пилот, барахтаясь в снегу, вылез из машины; выбравшись, предстал совершенно знаком вопроса: ссутулившись и молча почёсывая затылок, стоял он перед снежной горой, из которой торчал его самолёт, — картина и впрямь была комичная.

К веселящимся испанцам прибавилось ещё несколько зевак — вроде датчане, потом — канадцы... Но я уже не смотрел. Другая картина выплыла из глубин памяти — мутноватая вначале, она всё более и более прояснялась.

Давно это было, лет тридцать пять, наверное... Нет, уже тридцать восемь назад. И много разных событий, гораздо более значительных, казалось бы, случилось после, но это происшествие вспомнилось до мельчайших подробностей.

* * *

Нас было четверо, оказавшихся в тот мартовский морозный день в неуютном холодном салоне двенадцатиместной «аннушки», что должна была лететь по маршруту «Верхняя Паденьга — Кулига». Я, зелёный первокурсник, недавно сдал свою первую сессию и теперь добирался из столицы к родителям, имея в запасе десять дней. Дорога уже порядком измотала, и добраться до дому казалось верхом желаний.

Все попутчики были немного знакомы мне. И они вроде бы тоже узнали меня, но поздоровался лишь один — худощавый, с живыми глазами на скуластом лице. Я помнил, что на селе его звали Гришка Князь. И ещё одного помнил по прозвищу — маленького коренастого мужичка с шапкой огненно-рыжих волос на веснушчатой голове; его так и прозывали — Коля Рыжик. Ближе других знал я Павла Артюхова — широкоплечего рослого богатыря со всегда невозмутимым выражением лица. Все трое были близко знакомы между собой и, судя по разговорам, ездили в райцентр по делам, а теперь возвращались домой. Наш самолёт на Кулигу должен был улететь утром, но рейс всё перенесли и вот наконец всё же дали посадку. Сидели в самолёте мы уже довольно долго, но почему-то не было лётчиков.

Пилот появился, когда все (а я, наверно, больше всех) уже порядком намёрзлись в холодном металлическом чреве. Князь даже успел пару раз громко и недвусмысленно выразиться насчёт порядков в районном аэропорту.

— Здорово, мужики! Заждались? Сейчас полетим, — грузное тело лётчика протиснулось внутрь самолёта.

Одупловатое, с мазутным пятном на щеке лицо его быстро повернулось туда-сюда, как бы оценивая вверенное ему хозяйство, но не выразило ни удовлетворения, ни досады.

— Я, мужики, с вами не должен был лететь, — уже из кабины, как бы извиняясь за наше ожидание, объяснял он. — Только ваш экипаж на другом рейсе, вот меня и подняли. Видите: даже без второго лечу. Ну ничего, скоро будете в своей Кулиге.

Потом самолёт долго, натужно ревел двига-

телем, затем медленно, скрипя и трясясь, вырливался на взлётную полосу. Наконец, как-то жалобно взыв, нехотя сорвался для разбега, взлетел.

Было холодно, особенно ногам. Да и куртка, что была на мне, была явно не рассчитана на подобные «экспедиции». Догадываюсь, земляки мои в своих полушубках и унтах чувствовали себя гораздо уютнее. Павел, как взлетели, почти сразу уснул, а Князь, попеременно заглядывая то в иллюминатор, то в раскрытую кабину пилота, оживлённо рассказывал что-то неразборчивое за рёвом мотора Рыжику, который, слегка закинув конопатую голову, старательно внимал.

Потихоньку я всё же задремал. Проснулся от короткого толчка — приземлились. Самолёт, подпрыгивая, прокатил положенный ему путь, встал.

— Приехали, мужики! — бодро крикнул пилот, когда стих шум двигателя. — Давайте открывайте дверь. Да почту помогите мне выгрузить.

Князь уже толкал дверь. А открыв, он почему-то застыл на некоторое время, осматриваясь, потом повернулся навстречу выходявшему из кабины пилоту и сказал странным голосом:

— Слушай, лётчик, ты куда нас привёз?!

— А ты что, на радостях деревню свою не узнал? — неподвижное одупловатое лицо пилота тронула тень усмешки.

— Да уж... Я бы узнал. Было бы чего... — Князь отрывисто хохотнул так, словно его неожиданно ткнули под дых.

Я и Рыжик дружно дернулись к двери. Григорий был прав — мы приземлились не в Кулиге. Там самолёт садился на лугу возле села, здесь же мы оказались посреди большого поля, и никаких признаков жилья рядом в помине не было. Поле, правда, было укатано, и все обозначения стояли, равно как и полагающаяся такого рода аэропорту будка. Но если и ждали здесь самолёт, то никак не в это время — ни одной живой души на поле не появилось. Я взглянул на часы — вместо положенных двадцати пяти минут летели почти сорок.

— Н-ну, и что теперь делать будем? — Князь молодцевато выскочил на укатанный снег, фертом прошёлся около самолёта. — А, авиа-

ция, где мы находимся-то, хоть скажи. Или ты на нюх летел, без компаса?

— Да нет, мужики, всё как положено — шёл по приборам. Сам не знаю, как такой номер вышел. Я вообще-то первый раз в вашем районе, — ответил лётчик в замешательстве, размазывая мазутное пятно по всей щеке.

— Может, по рации с районом связаться? — несмело вставил Рыжик.

— Да не работает рация, — безнадежно махнул рукой пилот. — Надо обратно в район лететь, не попасть нам в Кулигу вашу.

— Какой район?! Какой район?! — взвился Князь. — Ты это брось! У меня по программе сегодня в пять баня, а в семь я должен на свадьбе быть. Так что давай в Кулигу!

— Да я бы рад, — усмехнулся лётчик, — только вот в какую сторону лететь?..

— Слышь, парень, звать-то тебя как? — шагнул вплотную к лётчику Князь.

— Фёдором...

— Так вот, Федя, слушай сюда. Место это я узнал — Залужье, отсюда до Кулиги рукой подать. Как взлетаем — сразу вправо забирай, тут тебе и Кулига. Так что давай, Фёдор! А то время уже три часа.

— Ох, не знаю, мужики... — замямлил пилот.

— Чего «не знаю»? Чего не знаю-то?! Давай-давай, Федя. Всё путём.

Фёдор обошёл вокруг самолёта, осмотрелся.

— Мужики, не вырулить мне тут на взлёт, вон та хламина мешает.

На пути самолёта стояли тракторные сани. С какой целью они были тут оставлены, трудно было догадаться.

— Это какая хламина? Сани, что ли? Так мы их сейчас уберём. Ну-ка, Коля, пособи. А ты, Володька, стой тут, куртку порвёшь, — Князь уверенно двинулся к саням, но остановился. — А где Пашка? Эй, Артюха! — Он подбежал к самолёту, заглянул вовнутрь. — Во даёт! Спит, сурок! Си-илён! Артюха, не спи, замёрзнешь, рейс закончен, и трап подали. Не-е, вот что значит бабу молодую заиметь: в Паденьгу летели — спал, обратно летим — опять спит...

— Чего шумим? — благодушная физиономия Павла зависла над Князем. Заспанные глаза, шурясь от мартовского солнца, не спеша оглядели окрестности.

— Иди сани двигать, чуда ты дремотная. Видишь, мужики пересажаяются...

Фёдор с Рыжиком как раз в это время взяли за угол саней и тщательно пытались хоть чуток приподнять их.

— Так мы это чего, не в Кулиге, что ли? — ещё раз неторопливо оглядевшись, спросил Павел ровным голосом.

— Силён, Артюха, соображаешь. В точку попал — не в Кулиге мы, — хохотнул Князь. — Ошибка инженера Феди — летели в Кулигу, а увидели фигу.

— А-а, — понимающе протянул Павел, не выразив, однако, никакого беспокойства по поводу услышанного. Он ещё некоторое время постоял в задумчивости, а затем вроде как нехотя его высокая, сутулая фигура вывалилась наружу и вразвалку зашагала к пыхтящим над неподъёмными санями мужикам.

— Эй, ребята, вы не так, не так делаете! — крикнул Князь. — Так не взять, подважить надо. Федя, дай-ка топор, вагу вырубить. Топор у тебя в самолёте есть?

Фёдор, сразу отпустив сани, взглянул на Князя почти оскорблённо:

— Ты чего, паря? Откуда? Ты бы ещё вилы попросил...

— Ну ты, лётчик, даёшь! Топора и того нет. Да как же ты летаешь без топора-то?

Мазутная щека пилота даже дёрнулась от возмущения:

— Это же са-мо-лёт, Гриша, а не телега с лошадей. Что мне делать топором твоим в самолёте? Если только некоторым пассажирам мозги обухом вправлять...

— Чего-о?! Разговорчив, я гляжу, ты стал! — Князь выпрямился: грудь колесом, взгляд в упор.

— Эй, куда сани поставить? — отвлэк ссорящихся бас Артюхова.

Все оглянулись. Павел, пока шли эти пререкания, подошёл к саням и, взяв за переднюю поперечину, без особого усилия поднял их. Теперь он стоял, держа передок на уровне пояса.

— Ну ты герой, Артюха! Здоровья в тебе! — восхищённо выдохнул после общей паузы Князь.

Рыжик между тем подскочил, засуетился вокруг Павла, приговаривая: «Паша, пособию

сейчас, Паша, пособлю». Фёдор снова схватился за сани, подскочил и я, но поскользнулся, упал и, падая, повалил Рыжика.

— Сюда, давай сюда, Артюха, — уже распоряжался в стороне Князь решительным голосом, и Павел с Фёдором послушно потащили сани в указанную сторону.

— Всё, не мешают больше, — отпустился Фёдор.

Павел протащил ещё немного, резко бросил. Закурили.

— Так что — тронули, — шелчком отбросив окурок, Фёдор решительно зашагал к машине, мы за ним.

— Как взлетим — вправо, Фёдор, забирай, вправо. Точь в Кулиге будем. Пять минут — и я в бане, — наставлял его сзади Григорий.

— Только предупреждаю, мужики: у меня топлива мало, не до разлётов, — через плечо бросил Фёдор, влезая в кабину.

Вновь всё трясло, болтало, скрипело, ревело на взлёте. К этому прибавилось ещё какое-то странное дребезжанье, доносившееся из кабины пилота. Казалось, сейчас начнут отлетать с пульта многочисленные приборы и покатаются через раскрытую дверь по грязному полу пассажирского салона.

Князь, севший впереди, всё крутил головой, глядя то в один, то в другой иллюминатор, а затем решительно полез в кабину пилота. Что он говорил Фёдору — было не разобрать, только всё показывал рукой вправо. Выйдя от пилота, что-то объяснял Рыжику. Тот согласно кивал. Я тоже суетился вначале, то и дело поглядывая вниз на бесконечное однолесье, щедро прорезанное причудливыми изгибами речушек да прямою редких просек и дорог, белевших среди лесного многоточья. Но холод вновь дал о себе знать, и вскоре я опять был занят лишь своими совершенно заледеневшими ступнями. Да и села никакого внизу всё не было видно.

— Это, что ли, твоя Кулига? — донёсся сквозь рёв мотора голос Фёдора, обращённый к Григорию.

Тот опять прильнул к окну, затем снова влез к лётчику и зарокотал там, размахивая руками. Чувствуя, как радостно толкнуло сердце, сразу

забыв про бесчувственные ступни, я жадно уткнулся носом в стекло, предвкушая знакомые пейзажи родного села, но при этом подметил краем глаза недоумение на лицах Павла и Рыжика.

Разглядеть толком я ничего не успел, а вскоре взгляд скользил уже по верхушкам густого осинника. Через несколько секунд нас сильно тряхнуло — приземлились. Пока самолёт замедлял бег, я увидел, как от аэропортовской будки отделилась небольшая фигура в шубе до пят и направилась к нам. Самолёт встал, винт выключенного двигателя, утихая, допевал свою монотонную песню. Фигурка между тем приблизилась и оказалась дедом в очках, имевшим, кроме шубы, из-под полы которой торчали подшитые валенки-баржи явно не по ноге, ещё и странную шапку-ушанку с татарским верхом.

Князь с явно растерянным видом пошёл открывать дверь, бормоча: «Что это мы, не долетели, что ли...»

— Эй, дед! — крикнул он, запустив внутрь волну холодного, но приветливого мартовского света. — Какая станция?

— Чево? — дед потянулся к раскрытой двери левым ухом, сдвинув набекрень остроконечную макушку шапки.

— Деревня, говорю, какая, пень глухой!

— Чево? А-а, деревня-та... Так Усть-Ляльма будет.

— Как?!

— Усть-Ляльма, говорю, — насколько хватило сил, выдохнул дед слабеньким голосом.

Стало тихо. По задумчиво-напряжённым лицам моих земляков можно было понять, что каждый из них пытается вспомнить: слышал ли он когда-либо это название. И, судя по затянувшемуся молчанию, никто не вспомнил.

— Район-то какой, дед? — первым догадался спросить я и напрягся, предчувствуя ответ.

— Чево? Район-то? Это наш-то? Да Лешаконский район, Лешаконский, какой ещё... Да вы откуль, ребята, будете?

Князь длинно присвистнул, перекрывая последние слова деда. Неожиданное местоположение наше в Лешаконском районе означало, что от родной Кулиги мы находимся самое малое за триста километров.

— «Всё выше, и выше, и выше стремим мы полёт...» — дурашливо затынул Князь. — Ой, мамоньки мои, до чего же дошла наша родная авиация — запад с востоком путает. Запад, Фёдор, это там, где солнце заходит — видишь: во-от туда катится! А восток — там солнце всходит...

— Молчал бы, трепло барабанное! — гневно загудел Фёдор, подавшись всем телом из кабины пилота. — Из-за тебя всё! Вправо, вправо забирай... Вот и дозабирались... Теперь как выбраться?

Князь ехидно сморщился:

— Слушай, ты, застёжка от Чкалова, тебе для чего руль в руки даден? Чтобы над тобой указчик стоял? Ты в какой школе летать учился, в церковно-приходской, что ли?

— Не руль, а штурвал, дура! А в какой школе я учился, то туда таких, как ты, и близко... — кипятился Фёдор.

— Так мы куда сейчас полетим? — ровный голос Павла остановил петушившихся. — Или ночевать тут будем?

— Какое ночевать, какое ночевать?! — взвился Князь. — Вы чего, мужики?! Давай взлетаем: в район, что ли, обратно, а там, может, доберёмся ещё. Чёрт с ней, с баней, хоть бы на свадьбу успеть...

— На чём лететь? Я же говорю: горячее на исходе. Недозаправили в Паденьге, может не хватить. Э-эх... — устало махнул рукой Фёдор и отвернулся.

— Ну вот, теперь горячки у него нет, — насутился Князь. Но тут же оживился: — А вот дед — он же начальник аэродрома. Что, у него горячего нет? Должно быть. Дед, эй, дед, у тебя горячее есть?

— Чево?

— Горячее, говорю, топливо?

— Топливо-то? Оно есть. Солярки целая бочка, вон, за избушкой. Трактористы оставили. Я ей печку в будке растопляю.

— Во, видишь, есть! Пилот, бочки хватит? — резво повернулся Князь и осекся, поняв, что в запальчивости дал большого маху.

— Ну и дуб же ты, Гриша! — с неприкрытым удовлетворением раздельно выговорил Фёдор. — Где же ты видел, чтобы самолёты на солярке летали? Нам бензин — и то особенный надо.

Это же самолёт, а не трактор. А то, может, ты в своей Кулиге и трактора-то не видел? Так уж запомни, Гриша, не полетит самолёт на солярке, не по-ле-тит. Понял?!

Не найдя чем ответить, Князь сел на мешки с почтой. Но, не привыкший оставлять последнее слово за другими, он снова пробурчал: «Не полетит, не полетит... А ты попробуй сначала, может, ещё и полетит...»

— В общем, так: Павел прав — ночевать здесь будем, — решительно подвёл итог разговору Фёдор. — Я сейчас на почту схожу, позвоню в Паденьгу или Лешаконь, чтобы самолёт для дозаправки прислали.

— Так откуль будете-то, робята? — спросило сухонькое, с редкой бородой лицо деда, несмело просунувшись в проём.

— Ой, не спрашивай, дед...

— Где же ты, Маруся, с кем теперь гуляешь... — Князь сумрачно отбивал такт. — Слушай, дед, в Ляльме вашей вдовы есть?

— Чево?

— Бабы без мужика в деревне есть, глухарь ты лешаконский! На ночлег чтобы пристать.

— Бабы-то? Бабы есть. И которые без мужиков, тоже. Только ежели вам на ночлег, так зачем вам бабы? Вы у меня ночуйте. Дом большой — вот рядом стоит, живу один с жёнкой. Места всем хватит. Да вы откуль, робята, будете-то?

— Странная у тебя логика, дед, — внимательно посмотрел на собеседника Князь. — А я вот считал: раз на ночлег, то непременно к бабе надо. Но вижу — ошибался. Идём к тебе, дед! Тем более что по твоим надёжным глазам я вижу, что твоя жёнка лучше всех в Ляльме умеет варить щи, а у тебя в углу всегда наготове ведро браги. Веди, дед!

Через минуту мы неспешно тянулись гуськом за дедом, семенящим по хорошо утоптанной тропинке, что вела через неширокий речной пролив, отделявший от села луг, на котором расположился деревенский аэропорт, прямо к дому.

Дом, могучий двухэтажный пятистенник, привольно расположился на отлогом берегу речки и всей дюжиной окон фасада смотрел прямо на взлётное поле.

— А я пошёл в избушке своей прибраться нем-

ного, гляжу — самолёт садится. Чей это, думаю? Наш-то, лешаконский, с утра был, а больше к нам в Ляльму никаких самолётов не летает, — словоохотливо объяснял дед. — Да вы откуль, робята, будете-то?

— С Верхней Паденьги мы, дед. Заблудились, — коротко бросил Фёдор, занятый своими мыслями.

— А-а... — объяснение это вроде удовлетворило деда. Но, немного погодя, спросил опять: — Так вы, может, на Новую Землю летели? Сейчас туда, слышал, экспедиции отправляют.

— Верно заметил, дед, — хохотнул Князь, — туда путь держали. Только вот с горячкой не рассчитали немного.

— Молчал бы... — беззлобно огрызнулся Фёдор.

Павел с Рыжиком шли молча позади Фёдора и впереди меня, замыкавшего колонну. Павел порой оглядывался — не отстали ли мы, — и я видел, что он благодушно улыбается чему-то своему; Рыжик же, семена за ним, с интересом разглядывал село. Оно и впрямь напоминало Кулигу, а взлётное поле на лугу было прямо копией кулижского. Так что ошибка Григория, поначалу принявшего Усть-Ляльму за Кулигу, становилась понятной. Была суббота. Повсюду топились бани, и дым их аккуратными столбиками тянулся в ясное мартовское небо, бледно-прозрачное, звонкое от последнего в этой зиме мороза.

— Тебя как звать-то, дед? — спросил Князь.

— Меня-то? Ермаком. А по батьке Поликарповичем.

— Ого! — чувствовалось, что Григорий с интересом разглядывает тщедушную фигуру деда. — А этот, который Тимофеевич, покоритель Сибири, тебе что — родственник, или как?

— Не, не родственник, — серьёзно ответил дед. — По моим сведениям, род мой идёт от купцов Строгановых — тех, что Ермака послали в Сибирь воевать. Моя и фамиль такая — Строгановы.

— Ух ты! — в голосе Князя слышалось неприкрытое восхищение. — А то я думаю — откуда у тебя, дед, такая шапка? А это, значит, Ермак, который Сибирь воевал, с какого-то хана снял, с Кучума, что ли, и хозяевам своим в дар отдал. А от тех по наследству тебе досталась. Так?

— Шапку-то? Не-е... То жёнка моя смастрачила. А вот и она. Федосья, принимай гостей.

Федосья оказалась полной спокойной женщиной лет пятидесяти пяти. Встретилась она нам около калитки с авоськой в руках.

— Гостям-то рады, — нараспев сказала она, некоторое время разглядывала нас, пропуская вперёд.

— Лётчики это, — объяснил ей дед. — Из экспедиции. На ночлег надо расположить. Давай ставь чай.

Вошли в просторную чистую избу. Направо от входа стояла широкая скамья вдоль русской печи, напротив, у стены — старинный буфет, почерневший от времени; далее — массивный стол с витыми ножками, две длинных лавки по стенам, два тяжёлых стула с высокими спинками. В простенке напротив входа висели громадные старинные гиревые часы с кукушкой, мерно отсчитывающие ход времени широким маятником. Над часами разместились простенькие фотографии в рамках. В углу, где сходились лавки, под потолком на специальной полке — божнице — стояла небольшая ухоженная, как я сразу приметил, икона. Пахло теплом и свежим хлебом.

— Тогда в баню-то побольше подкинуть надо, Еремей. Может, гости с дороги помоются? — спросила Федосья.

— Непременно, мать, — с готовностью подтвердил Князь. — У меня по сегодняшнему расписанию — баня в семнадцать ноль-ноль. А свадьбы у вас тут вечером нет?

— Свадьбы-то? Сегодня нету. Прошлой субботой была.

— Жаль. А то у меня после бани по плану свадьба.

— Мне, Ермак Поликарпович, надо бы до почты дойти. Объясни, где тут у вас, далеко? — спросил Фёдор.

Дед объяснил. Князь, расспросив также насчёт магазина, увязался за Фёдором.

— Пойду и я, пожалуй, прогуляюсь, — поднялся и Павел.

Дед ушёл смотреть за баней. Я и Николай остались около хлопотавшей хозяйки. Кто мы, откуда — она не расспрашивала, ведя разговор о своих хозяйских делах. Николай поддерживал разговор, я отмалчивался, заледеневшие на

морозе ноги в тепле стали отходить, и острая боль ломила пальцы.

— Ты, парень, сними ботинки. Я тебе катаньки дам. Вот. Тёплые, — сказала Федосья, снимая с печи валенки.

— Надень, надень, Вовка, отойдут ноги-то, — поддержал Рыжик.

Я стянул ботинки, с удовольствием надел тёплые мягкие валенки.

Пришёл дед. Вскоре появились и мужики

— Так, порядок, — с порога заговорил заметно повеселевший Фёдор. — Дозвонился, заправят нас. Завтра улетим.

— Да, читали ему лекцию по телефону, — Князь вынимал из карманов водку, — Федя наш аж вспотел, стоя по стойке смирно.

— Вспотеешь тут... — полное мазутное лицо Фёдора расплылось в улыбке.

— Значит, в порядке всё? Ну, тогда давайте чай пить, — захопотал дед.

— У нас-то всё в порядке, а вот у тебя, дед, в хозяйстве полный развал, — Князь встал посреди избы, и по его позе можно было понять, что у него очередной приступ словоохотливости. И по всему чувствовалось — от недавнего недовольства у Григория не осталось и следа. Он был доволен предстоящей баней, доволен тем, что достали водки и будет возможность хорошо посидеть в компании после парилки. Но более всего был он доволен тем не совсем обычным приключением, в которое попал. А люди такого склада, как я теперь понял, органически не переносят ровной, спокойной, как говорят — нормальной жизни. Они в ней дичают, дурят, портя жизнь себе и особенно близким.

— Ты объясни мне, — продолжал наседавать на деда Князь, — почему это к твоему дому пройти невозможно? Что это у тебя на самом проходе дрова лежат нераспиленные? Как тёмно настанет — ноги можно поломать, через них шагая. Что ж ты за хозяин такой, а ещё купеческого роду?

— Да куда ему распилить, хозяину моему? Слабый он! — вступилась за мужа Федосья. — Пила стоит в сарае, бензин есть. Да не справиться Еремею, в последний год совсем хворый. А попросить кого не соберусь.

— То верно говорит Федосья, худо могу с пилой управляться, здоровья-то нету уж... — согласился Еремей (судя по всему, именно так его звали на селе).

— Ну, дед... Ты же купеческого роду. Неужто артель себе не сколотишь? Да вот хоть нас возьми! — загорелся вдруг Князь. — А ну-ка дай пилу! Я коряги твои в айн момент распластаю. Цепи есть?

— Да чаю попейте сначала, — пропела Федосья, ставя на стол большую кастрюлю с ухой. Она явно была не против того, чтобы гости уравились с дровами.

— Потом чай. Тут работы немного, Гриша верно говорит, — первым потянулся к выходу Павел.

Через минуту уже ревела в ловких руках Князя бензопила, а мы разворачивали стволы под распиловку, оттаскивали и укладывали под навес берёзовые и осиновые чураки. Спустя полчаса работа была кончена.

— Ну, спасибо, ребяташки, уж до чего помогли. Только вот грех гостям работать. Да ещё не евши, — встретила нас в избе Федосья. Она стояла у стола, и сквозь полноту её рябоватого лица пробивалась довольная хитринка. — А то, может, обиделись?

— Ты, хозяйка, поменьше разговаривай — разогревай уху. А мы в баню, — скомандовал Князь.

Выпив по маленькой, раздобревшие, всей артелью пошли в баню, благо, была она просторна, сделана основательно — судя по всему, Еремей до хворобы своей мастером был знатным. Долго хлестались в жестоком пару. Я, правда, больше времени провёл в предбаннике, отдыхая от первого захода. Когда распаренные, обессилевшие мужики ввалились в избу, у Федосьи густо парил на столе самовар, а рядом стояла бутылка питьевого спирта, которого давненько уже не было в продаже.

Выпили — теперь уже по большой. Мне тоже поднесли равную со всеми долю — солидно наполненный гранёный стакан водки. Я стал неловко отказываться, на что Князь коротко сказал: «Помалкивай, студент, и делай как старшие», а Рыжик начал уговаривать: «Выпей, Вовка, легче станет». Отчего мне должно стать легче — я не понял, так как никакой тяжести не

ощущал, но, не дожидаясь дальнейших уговоров, водку выпил. А затем, закусив, полулёжа на лавке у печи, чуть в стороне от застольной компании, блаженно внимал то неторопливо-обстоятельным, то порывистым речам моих собратьев по странному путешествию.

Разговорился молчаливый Павел. Выпитая водка и интересная беседа оживили его крупное, правильное, но обычно малоподвижное лицо, и это придало особый колорит всей его богатырской фигуре, облачённой в мягкий серый свитер, на ворот которого волнами спадали густые светло-русые волосы.

Павла я хорошо помнил с малых лет, жили Артюховы недалеко от нас. Да и просто в том возрасте и при том строении мальчишеской души, когда более всего на свете тебя волнует, что Спартаку так и не удалось со своими гладиаторами переправиться в Сицилию и пришлось принять неравный бой с Крассом, — такие колоритные люди, как Павел, всегда на виду и в памяти. Один эпизод из его жизни, свидетелем которого довелось стать, особенно запомнился.

Было мне тогда лет десять, и по мальчишескому любопытству летним вечером попал я с парой сверстников на размашистую гулянку, вернее во двор того дома, где проходила гулянка. Там и увидели мы Павла, разговаривавшего с высоким черноволосым мужиком, про которого я знал лишь, что на селе его звали Цыганом. Разговор был резкий.

— Дурень ты, Петька, наслушался брехни бабьей, — увещевал Павел мужика.

— Брехни, говоришь... Виляешь, Артюха, падла, — злобно наступал тот, — знаю — ты мою бабу грел, пока я лагерной баландой кишки полоскал. — И взвизгнул: — Не прошу, понял! Лыбишься, с-сука...

Павел не замечал, а мы увидели из-за угла дома, как Цыган, стоявший к Павлу левым боком, вынул из-под пиджака правую руку с зажатым в ней коротким ножом. А затем этот нож по рукоятку вошёл в тело Павла. Тот охнул и, скорчившись, привалился к поленнице. Мы, перепуганные, бросились в дом с криком: «Дядю Пашу убили!» Однако только лишь мы начали наперебой рассказывать, что видели,

как в двери появился сам убийца. «Вяжите меня, я Пашку Артюхова зарезал!» — крикнул он дурным голосом, вошёл в избу и застыл, затравленно глядя по сторонам. Пока хмельные головы осмысливали увиденное, за спиной Цыгана появился Павел. Держась обеими руками за бок, откуда торчала рукоятка ножа, тяжело шагнул за порог:

— Ты что ж так... Не веришь, Пётр... За шкоду меня принял. Эх, ты... — и медленно обломился на пол.

Сейчас, невольно любуясь Павлом, я подумал: чуть в сторону тот пьяный удар — и не довелось бы слушать этот неторопливый мягкий голос. Павел не то чтобы спорил — скорее уговаривал, и было интересно видеть, как этот большой, очень сильный и смелый человек мягко убеждает, боясь войти в запальчивость и обидеть собеседника.

— Зря ты говоришь, Гриша, что всё это сказани бабьи — про домовых, про всякие исцеления, — рассказывал Павел. — Бабьи тоже не всегда врут. Насчёт исцеления я тебе могу доподлинный случай поведать. Три года назад было. Тимохе, двоюродному моему, — вот Коля его хорошо знает — деревом на валке спину повредило. Не согнуться совсем было человеку. Куда мы его только ни возили: в область, в Москву — всё худо, полный инвалид. Так и сказали нам врачи: надежды никакой. Я уж не помню, кто надоумил к Чубасихе везти. Есть такая баба в Вознесенье — тридцать километров от нас по реке. Я, надо сказать, веры не держал, а вот Тимофеева Зинаида загорелась: повезём, вылечит Чубасиха. Ну, сели в лодку, поехали. Дом у Чубасихи на отшибе, чуть не в лесу, но нашли скоро — в Вознесенье её всякий знает. Дом-то и не дом — так, избушка, передок чуть не по окна в землю врос. Зашли с Зинаидой, так со свету и не разберём ничего, в избе хоть глаз выколи, окна завешены. Да и дух такой, что с ног валит. Встали мы около порога, тут она и голос подала: «Чего рты разинули, садитесь на лавку». Сели, присмотрелись — стоит она сама возле плиты, плита аж докрасна, на плите чугунок полуведёрный, там какое-то варево бурлит, а Чубасиха это варево прямо рукой размешивает...

— Ну, это ты уже сбрехнул, Артюха, — перебил Князь. — Давай ближе к теме.

— ...Так вот, размешивает это варево, — тем же ровным голосом продолжил Павел, — а сама как есть ведьма: космы седые, растрёпанные, нос крючком, во рту два клыка торчат, на голове тряпка какая-то завязана, как у пирата. А вокруг нее поросёнок бегают, ещё грязнее Чубасихи. Зинаида прямо в ноги к бабке кинулась, чуть поросю не задавила: «Спаси, Кузьминишна, пропадет мужик». Чубасиха расспросила, какого мы роду-племени. Оказалось, деда моего она ещё пацаном хорошо знала. Прикинул я тогда, сколько ей годов — получилось ближе к ста. А когда она прадеда моего вспомнила да сказала, как он выглядел, тут уж я понял, что мало годов бабке дал. Ну, она долго не рассоливалась, приговорила: «Хорошие у вас в роду мужики были, а бабы — стервы», потом пнула поросю, он залаял...

— Опять брешешь, — вставил Князь.

— Истинный бог, говорю, — залаял дурным голосом да прыгнул на лежанку. «Тащите, — говорит бабка, — Тимоху вашего, посмотрю. Уважу Никиту, прадеда твоего, да и Егора-деда тоже. А то я нынче редко кому хворь вывожу: мелкий и паскудный пошёл народишко, хоть все перемрут — не жалко». Принёс я Тимофея. Чубасиха велела раздеть его совсем и на лавку животом положить. Мы с Зинаидой сделали то, ну, и стоим, ждём, когда выхаживать начнёт. А она как зыркнет: «А вы чего стали? Чтобы духу вашего в избе не было!» Выгнала. Как вышли мы, то сразу двери не закрыла, а взяла веник из какой-то травы, окунула его в то варево на плите и ходила по избе, веником тем махала. Вроде как в самом деле дух наш выгоняла. Потом закрыла дверь с той стороны на засов. Только и слышали мы после того, как Тимоха там покрикивал. Я около крыльца на бугорок сел, курю, Зинаида рядом ходит, сама не своя баба, последняя надежда ведь. Может, с полчасика прошло, я на время-то не смотрел. Слышу: брякнул засов и дверь заскрипела. Оглядываюсь: в дверях Тимофей наш — в одних портках, рот раскрыт и глаза сумасшедшие. Постоял и на нас пошёл. Зинаида на радостях в рёв бросилась. Я, по правде, тоже слезу пустил. «Тимоха, — кричу, — ожил, чертяка!» И от счастья такого — хрясь его по плечу, голова моя дубовая. Он — кувырк через бугорок, и ноги кверху.

Меня в пот бросило: только излечился, думаю, человек, а я его опять нарушил. Однако гляжу — встаёт он как ни в чём не бывало и хохочет во всю глотку. Потом рассказал, как его Чубасиха лечила. «Лежу, — говорит, — а она в меня какую-то мазь втирает. Долго втирала. Потом отошла чуток и стала что-то шептать, быстро так. А затем как крикнет: чего разлётся, вставай, — и кастрюлю воды горячей на меня выплеснула. Я и вскочил...» Вот такие дела бывают. Ежели мне не верите — Николая сейчас спросите, он Тимофея знает, — закончил Павел своё повествование.

— Точно, мужики, — подтвердил Рыжик. — На моих глазах было: Тимофея туда недвижимого увезли, а обратно сам лодкой правил. Я осинесь¹ в бригаде был с ним — тянет за двоих, не подумашь, что спина ломана была.

— М-да, чудеса... — протянул Фёдор.

Григорий отмахнулся:

— Да чего вы разговор завели: ведьмы, колдуны? Других тем нету? Хоть про баб, что ли. Вон Володька на лавке лежит, улыбается — не иначе девок вспомнил. Дед, а, дед, у тебя невесты нету? А то сразу и женим парня. Зря, что ли, он в вашу Ляльму попал. Давайте, хозяйева, невесту!

— Была невеста, — вздохнув, сказала Федосья. — Да и жених был, ладный жених, Серёжа наш... Теперь вот только одна фотокарточка осталась, — посмотрела она поверх часов — туда, где в самой нарядной рамке висела фотография широколицего улыбающегося парня.

— А что с ним? — проследив за взглядом Федосьи, спросил Князь.

— Да как что? Убили сыночка в армии. Уж пятый год тому пошёл...

— Где?

— Известно где... В заграницу посылают смерть-то искать. Было у нас горя... — голос Федосьи дрогнул, она отвернулась, обиженно скривившись. — Письмо прислали, что сын наш погиб, долг какой-то там исполняя, и наградили, мол, его... И привезли нам сыночка — в гробу... Потом орден этот пришёл...

Помолчали.

— Какой орден-то? — поинтересовался Князь.

¹ Осинесь — прошлой осенью.

— Да я что — знаю, — нехотя ответила Федосья.

— Посмотреть можно, мать, награду?

Федосья молчала, глядя в пол. Еремей заёрзал, как бы желая что-то сказать, но не решаясь.

— Да выкинула я орден этот, — равнодушно сказала наконец Федосья.

— Как выкинула?!

— Точно, выкинула, — ответил за Федосью Еремей. — Она каждый день ревела, как узнала про смерть Серёжи. А уж как убивалась на могиле-то, эх... А тут этот орден пришёл. Смотрела, смотрела на него Федосия моя, да как накатило на неё: «Это, говорит, для железки такой сына моего на смерть послали? Да глаза бы мои на неё не смотрели!» Окно открыла да и выкинула орден на дорогу. Дождь как раз о ту пору лил, а у нас на дороге по осени глины до колена. И трактор ещё гусеничный по дороге прошёл, пока я хватился да побежал... В общем, не нашёл я орден.

— Может, зря это так?.. — тихо сказал Фёдор.

— Всё же боевая награда...

— Зря, говоришь? — напевный голос Федосьи стал каменным. — А ответь ты мне: что нам — своей земли мало, что в чужую ползём? Орден, вишь, за сына откупились...

— У нас первый-то сынок помер в малолетстве, — тихо сказал Еремей. — И когда Серёжа народился — боялись мы очень, как бы опять такое не случилось. Да слава богу, вырос парень на загляденье. И дочка хорошая росла. Уж жить бы да жить, да вот...

Снова все замолчали. Князь разлил ещё по одной. Выпили молча.

— Да-а, — неопределённо протянул Князь. — Ну, а дочка? С ней что за беда приключилась?

— Да беда не беда, а горя воз, — вздохнула Федосья. — Как замуж два года назад вышла, у неё не жизнь, а каторга настала. Галя у нас тихая из себя, слабая. И чего она за Чумного пошла? Хуже волка мужик. Как в Ляльме жил, так только и знал, что вино да драки. Доброго слова от него не услышишь. А пристал к Гале — не отвяжется. Поженились, увёз в Кержу. Мы с отцом отговаривали, так ни в какую. «Он меня любит, — говорит, — он только с виду такой». Любит... На Новый год приехала, в баню пош-

ли. Она как разделась, я так и ахнула. «Чем бил?» — спрашиваю. Молчит. Но я всё же выпытала. Оказалось, гад такой плётку специально завёл с женой говорить. Это после того, как она нонешним летом с маленькой у нас была: Оленьку показать да так чем помочь. Кержа ведь недалёко, за рекой, по прямой километров сорок, не боле. Только что дороги прямой нет, в окружную надо. Так вот Чумной прознал, что к ней как-то летом Толя приходил. Хороший парень, раньше ухаживать за Галей начинал, да Чумной перебил. То правда — приходил: поговорили да и разошлись. А тот дикарь приревновал. Вот и завёл плётку. Да и раньше бил. А после того совсем ополоумел. Я как про всё это узнала, сразу сказала: не ездь к нему, оставайся дома. А она: куда я теперь денусь? Не поеду — он приедет, вас побьёт да ещё и дом сожжёт — он ведь бешеный. Уехала. За это время рубцов-то Гале добавил, идол, — всхлипнула Федосья.

Мужики дружно и возмущённо загалдели — видно было, что их сильно тронуло горе стариков.

— Слушай, Федосья, — сказал Князь, когда поутихла разноголосица, — а этот Толик без рук, что ли? Не может Галину защитить? Или не любит больше?

— Любит, наверное, — вздохнула Федосья. — Да толку что? Не велела ему Галя даже показываться в Керже. Бойтся она.

— Что значит — бойтся? Что мы — в Турции, что ли?.. — пробурчал Фёдор.

— Вы, Федосья Павловна и Ермак Поликарпович, забирайте дочь обязательно. Не будет у неё жизни с этим Чумным, не будет, я вам говорю, — Рыжик, заметно было, ближе остальных принял к сердцу рассказ Федосьи и всё порывался высказаться, пока, наконец, не уловил минуту. — Если он её бьёт, то человека в ней не видит. Врут, когда говорят: бьёт, значит, любит. Забирайте, забирайте Галину...

— Рады бы, да как? — вздохнул Еремей.

— Эх, вездеход бы сюда, что у нас в экспедиции был, — стукнул по столу кулаком Князь. — Рванули бы напрямую в эту Кержу. Па-адъехали бы под окна — встречай, Чумной, гостей! Самого бы его плёткой этой, Гальку вашу с бараклом в кабину — пишите... Эх, красиво бы было!

— А зачем вездеход? — гулко выговорил до сих пор молчавший Павел. — У нас самолёт есть.

Все разом стихли и посмотрели на Фёдора. Тот, поперхнувшись, перестал жевать и испуганно обвёл взглядом смотревших на него:

— Вы чего, мужики?!

— Так что, сможешь, Фёдор, человека из беды выручить? — с надеждой спросил Рыжик.

— Помоги старикам, Федя, — поддержал Павел.

— Помоги, браток, на тебя вся надежда, — загорелся Князь. — Завтра с утра заправим самолёт и рванём до Кержи. Морду набьём Чумному, Гальку заберём — и обратно. Всё будет в лучшем виде, не робей!

— Да вы что, чудаки! Вы что... Да... Вот... Ну...

— Фёдор от возмущения потерял дар речи. — Да я же в тюрьму сяду, чудилы!

— Да кто узнает-то? — робко попытался возразить Рыжик.

— Во даёт! Он собирается посреди бела дня на деревне из самолёта десант высаживать, и чтобы никто не заметил...

Снова все замолчали, теперь как-то неловко, не зная, что сказать.

— М-да, не получается. А было бы лихо, — поскрёб небритый подбородок Князь.

Налили ещё. Фёдор угрюмо смотрел в угол.

— Эх! — он вдруг ударил по коленке. — Где наша не пропадала! Полетим. В случае чего выкручусь как-нибудь.

Все разом оживились, особенно Рыжик.

— Только чур, мужики, поутру решений не менять. А то сейчас вроде как выпивши. Давайте всё по совести делать, — раздельно проговорил Павел.

— Гадам буду, если не полетим, — заверил Фёдор, со стуком поставив на стол пустой стакан. — Как, Павловна, не передумала дочку вызволять?

— Да я-то нет... Лишь бы у вас худо не было...

— Не будет. Аэродром, я слышал, там есть, функционирует. А больше нам не надо ничего. Только такие дела на свежую голову делаются. Так что спирт оставим — пошли спать.

На сон расположились кто где. Впрочем, с достаточными удобствами: у Федосьи в запасе оказалась куча тюфяков, одеял, полушубков —

было что постелить и чем укрыться. Погасили свет. Мужики быстро засыпали. Даже Князь, поначалу заведший разговор с Фёдором, потихоньку замолк и вскоре негромко захрапел. Я уснул позже всех, взволнованный предстоящим приключением. Последнее, что отложилось в утомлённом мозгу, это долетевший сквозь дремоту вздох Еремея: «Эх, судьба, судьба...» Старики не спали, ворочались, шептались о чём-то и, думаю, долго ещё не смыкали глаз, вслушиваясь в тяжёлое дыхание крепко спящих, незнакомых им до сегодняшнего дня случайных людей, которые завтра собираются круто вторгнуться в жизнь их семьи.

— ...А где может быть Толик этот, который с Галиной вашей знался? Если у него серьёзная настрой, то, думаю, его надо с собой взять, — голос Князя был первым, который я услышал, пробудившись.

— Да где ему быть? Дома, наверное, сегодня же воскресенье, — ответила Федосья.

К стыду своему я обнаружил, что все уже давно встали.

— А-а, студент вольной жизни проснулся. Вставай, Владимир, чай стынет, — Князь поставил на плиту подогреваться большой чайник. — А ты, Федосья, сходи-ка до Толика. Пусть придёт, потолкуем.

Пока Федосья ходила за Толей, в дом вкатился запыхавшийся мальчуган лет шести-семи со сбившейся на глаза шапкой:

— Дедушка Елемей велел сказать, что самолёт плилетит в девять солок пять, — выпалил он радостно с порога.

— Герой, мужик, вовремя сообщил. Угощайся, — протянул ему горсть конфет Князь.

— Не, я лутсе молока, — сказал посыльный, шмыгнув носом.

— Как хочешь. Наше дело предложить, — Григорий подвинул к краю стола почти полную литровую банку молока.

— Я сичас, — мальчуган зубами снял рукавички, подошёл к столу и почти без передыху выпил всю банку. Поставил пустую на стол, важно вытер рот рукавом. — Пасибо, я пошёл.

— Важнеющий пацан, — засмеялся Князь. — Слышь, Артюха, тебе замена растёт. Видел, как он эту банку боднул?

— Пускай себе, — Павел был более обычного задумчив, как и сидящий рядом Рыжик.

— Ну, я пойду к самолёту, вы тут с парнем без меня разбирайтесь, — сказал Фёдор.

Вскоре пришла Федосья с Толей, который оказался круглолицым невысоким крепышом лет двадцати пяти.

— Та-ак, это, значит, ты Анатолием будешь? — окинул его изучающим взглядом Князь. — Это как же ты, друг милый Толя, допустил, что Галину твою какой-то Чумной плёткой ласкает? Ты мужик или как? Боишься Чумного?

— Кто боится? Я? Не брехал бы... — растерянно набычился Толя.

— Ну ладно, ладно, — примирительно сказал Князь, — давай о деле. Тебе Павловна, я думаю, по дороге обстановку объяснила?

Анатолий кивнул.

— Так летишь?

— Да.

— Ну и добре. Теперь так: кто ещё полетит?

— Я лечу! — я постарался придать своему голосу как можно больше твёрдости.

— Да все летим, — сказал Рыжик, — сила может пригодиться. А Володя — он грамотный, в случае чего знает, куда и как писать.

— Ясно. Я думаю, и деда надо взять. Он там по-свойски с начальником аэропорта договорится, чтобы шуму лишнего не было. Да и отец всё же.

Послышался нарастающий гул самолёта. Из окна было видно, как он приземлился и подрулил к машине Фёдора, как выходили пассажиры, разгружалась почта, как беседовал Фёдор с прилетевшими лётчиками. Меня пока оставили помочь Федосье: принести воды, дров, и когда я пришёл на поле, прилетевший самолёт уже разбежался для нового взлёта.

— Ну что — порядок, мужики. Горючее есть, можно на штурм! — бодро пригласил на посадку Фёдор.

Мы — все шестеро — вошли в самолёт, закрыли дверь. Фёдор запустил двигатель, и машина долго надрывно выла на месте. Ждали, когда тронемся и начнём выруливать для взлёта. Но вместо этого мотор стих. Фёдор растерянно повернулся к нам и сказал:

— Мужики, что-то с машиной не в порядке...

— Вот те раз! Опять двадцать пять... — сплюнул Князь. И исподлобья глянул на Фёдора. —

Лётчик, ты часом не сдрейфил? Так и скажи, что лететь не хочешь.

— Ты из меня шута не делай! — голос Фёдора сорвался на крик. — Говорю: машина не в порядке!

— А что, что-нибудь случиться может? — осторожно спросил Рыжик.

— «Случиться», — хмыкнул Фёдор. — Может, Коля, может. Гробануться можем, вот что может случиться.

Замолчали. Паузу прервал бодрый голос деда:

— Слушай, Фёдор, так у тебя... это самое... парашюты есть?

Фёдор странно дёрнулся от слов деда, внимательно посмотрел на него, видимо, представлял Еремея с парашютом за спиной. Но промолчал, только рукой махнул. Потом обвёл всю нашу компанию откровенным взглядом и неожиданно засмеялся широко — чистым залившимся смехом, отчего одутловатое лицо его засветилось.

— Черти вы двухголовые! С вами не гробанешься, так в тюрьму сядешь — всё одно. Эх, жизнь моя жестянка — взлетаем! Крутанусь пару раз над полем, если что — сразу на посадку.

— Стоп! Тогда сделаем так: дед и ты, Володька, выйдите, — голос Князя не терпел возражений. — Мало ли что может случиться. Вчетвером справимся.

Я всё же пытался спорить, но Князя поддержал Павел, и я нехотя вылез из самолёта вслед за Еремеем. Отошли в сторону, закурили. Когда самолёт, неуклюже разбежавшись, взлетел, я замер: нехорошее предчувствие заохлоло около сердца. Но самолёт поднялся, сделал два круга над полем и, долго видимый в ясном небе, потянулся за реку. Мы оба облегчённо вздохнули.

— Ну и слава богу. Хоть бы у них всё хорошо вышло, — сказал Еремей.

Он постоял немного и пошёл колоть дрова, что лежали за избушкой. Я посмотрел, как он тяжело втыкает топор в неподатливое дерево, и подошёл помочь. Я колол, дед аккуратно складывал колотые дрова в поленницу. Мы ни о чём не говорили, но каждый знал, что так и будет на поле, пока не вернутся улетевшие. Да и вернутся ли? Опять в голову полезли назойливые, неприятные мысли.

Все дрова были расколоты и уложены, в избушке вычищено и даже вымыто снегом, и взлётное поле раз пять нами было вдоль и поперёк пройдено, когда появился самолёт. Он как-то неожиданно вынырнул из-за аккуратной стены ближнего леса и через минуту уже подруливал к избушке.

Первым из самолёта вышел ошалело сияющий Анатолий, держа в одной руке таз, во второй — детскую коляску. Один глаз его сильно заплыл.

— Чем это тебя? — спросил я первое, что пришло в голову.

— Кулаком, — радостно сообщил он. И добавил: — Чумной, зараза.

Князь тоже был хорош: оторваны пуговицы, кровоточила губа. Он распорядился выгрузкой из самолёта узлов, сумок, осуществлял которую Рыжик, имевший вид также изрядно взломаченный. Последним вышел Павел, держа в руках нечто похожее на большой тук из одеял. Когда он опустил тук на снег, тот раскрылся и обнаружил внутри себя худенькое существо с большими глазами, одетое в простенькое пальто и обутое одной ногой в валенок, второй — в домашний тапок. Существо без звука, испуганно-восторженно смотрело на меня, обеими руками обхватив у груди плотно укутанного ребёнка, который не проявлял ни малейшего интереса к происходящему переполоху, поскольку крепко спал.

— Врассурь не поддался наш гордый «Варяг»... — заорал вдруг Князь. Ребёнок проснулся и заплакал.

— Чего орёшь, дурашка, — сказал Павел, и непонятно было, кому адресовались эти слова: ребёнку или Григорию. А Князь продолжал:

— Разбит твой Чумной, дед! Разбит вместе со всей роднёй. Ох, была потеха! Такого шухеру в этой облезлой Керже наделали... Больше чем Ермак в Сибири, дед.. Где там спирт, что вчера не выпили, — самое время замочить викторию.

— Замочишь тут... — сказал стоявший в стороне Фёдор. Был он хмур, на оживлённую кутерьму не обращал внимания, курил.

— Ты чего, Федя? Глотнём чуток да и полетим в Паденьгу. Глядишь, вечером в Кулиге будем.

— Не знаю, полетим ли. Ремонт нужен, —

вздыхнул Фёдор. — Пока обратно летели, все нервы мне этот аппарат вымотал, думал, как бы дотянуть. Ремонт вроде небольшой, да времени в обрез — в темноте, сам знаешь, не летаем.

— Ого, — сразу посерьёзней Князь. — Если ремонт — давай делать, помогать будем. Надо сегодня хоть до Паденьги попасть, а там как-нибудь.

— Тогда начнём, — решил Фёдор. — Один со мной оставайся, остальные тащите вещи.

Григорий остался с Фёдором, мы понесли вещи, а Павел — Галину с ребёнком в дом. Потом взяли бидон с водой, кое-что из съестного и втроём — Павел, Рыжик и я — вернулись на поле. Вскоре появился и дед, таща ещё сумку с припасами. Делать нам всем около самолёта было нечего: хватало двоих, иногда требовалась помощь третьего. Затопили в будке плиту, согрели чай. Фёдор и Григорий, наскоро перекусив, опять принялись за ремонт. Мы молча следили за ними, стоя около самолёта. Багровый шар солнца, опускавшийся к горизонту, всё более склонял нас к мысли, что не улетим и сегодня.

Так и получилось, ремонт закончили уже около семи. До того, еще днём, Фёдор сходил к Еремееву к заведующей почтой просить, чтобы та открыла телефон, связался со своим начальством. Пришёл злой, неразговорчивый. Когда закончили ремонт и он опробовал мотор, повеселел, но по усталым, всё время смотрящим в сторону глазам можно было понять, что на душе у него не сахар.

— Ну что, други, тронем на старое лежбище, — попытался напустить весёлости Князь.

Никто не ответил. Все устали, у всех были дела дома, планы, которые рушились из-за потерянных здесь дней. Князь замолчал. Все встали, потихоньку потянулись к дому Еремеева. У калитки встретились с Федосьей.

— Эт-то что за явление? — удивлённо протянул Князь, увидев за спиной Федосьи свежую грудку берёзовых стволов, которая лежала как раз на том месте, где до этого была распиленная нами вчера.

— А то я Стёпу-соседа попросила, он на тракторе работает, — объяснила Федосья. — Думаю, если не улетят сегодня ребята, то, может, ещё и попилят дрова...

— Ну, ты, Павловна, стратег! — только и нашёл сказать Князь. — Прямо маршал Жуков.

Вошли в дом. У печи сидел Анатолий. Увидев нас, заулыбался, встал. Подбитый глаз его ещё более распух и был почти не виден за тёмной синевой опухоли.

— А я вас ждал, ждал... Фёдосья Павловна сказала: сейчас придут. Потом хотел к вам идти, а гляжу в окно — вы уже к дому... — как бы извиняясь, заговорил он.

— Как дела, Толя? — спросил Николай. — Где Галина?

— У мамы моей, Олю купает. У нас там ванна большая есть.

— Не ревёт Галина-то? — спросил Павел.

— Не-е... Она говорит, хорошо, что так вышло...

— Ну и живите, раз хорошо, — подытожил Князь. — А Чумной сунется — скажи ему, что Григорий Иванович Буслав, а проще Гриша Князь из Кулиги тебе свой адрес оставил и велел в случае чего телеграфировать.

— Там, мужики, я это... — замялся Анатолий, — выпить немного принёс. Думаю, с устатку сгодится, — и показал на сумку под лавкой.

— Это сгодится! — хлопнул его по плечу Князь. — Давай сам присаживайся.

— Да я, пожалуй, пойду... Галя ждёт. Потом, может...

— А-а, ясно, — сказал Князь. — Ну, заходи.

Анатолий ушёл. Мы не спеша раздевались, отогревали у печи замёрзшие руки, лица. В избе было чисто, тепло, светло. И от этого невестёлые лица понемногу смягчались, голоса становились оживлённее. Пришла со двора Фёдосья, пригласила за стол.

— А что, мужики, распилим хозяйке дрова? — совсем уже бодрым голосом спросил Григорий. — Зря она, что ли, соседа уламывала.

— Может, не надо, ребята? Темно там... — сказал Еремей.

— Распилим, — подтвердил Павел. — Фонарь там есть, на улице свету хватит. Распилим, закусим только.

— Ты чего такой задумчивый, Федя? — спросил Князь, когда выпили по стопке. — Или представляешь, какой с начальством скандал будет?

— Да шут с ним, со скандалом... Чего уж те-

перь?.. Я вот просто думаю: до чего интересная штука жизнь. Случай тут один вспомнил. Я тогда на вертолёте работал. Как половодье начиналось, то нас посылали патрулировать: мало ли чего — затопит где кого, или на льдине унесёт, или больного надо вывезти — дорог ведь никаких. И вот патрулировал я как-то в районе Ухтомы, есть такая деревня за Малыми Холмами. День ясный, вся деревня как на ладошке. Смотрю: возле дома на краю деревни, что оказался на острове — вода отрезала, кто-то стоит и вроде как мне платком машет. Я высоту убрал, завис над домом — точно, мне машут. Бабуся стоит и шустро так цветастым платком размахивает. Не иначе, думаю, при смерти кто в доме или рожать собрался. Стал смотреть место, где бы сесть — и никак не найду, хоть убейся. В общем, пока садился, взмок весь. Кой-как сел всё же в огороде, чуть лопастями бабке крышу на бане не снёс. А она стоит на крыльце, на меня смотрит. Выключил двигатель, кричу ей: «Что, бабуся, больной кто есть?» А она мне в ответ: «Нет, сынок, у нас все здоровые. А я вот гляжу — ты всё летаешь да летаешь, устал, поди. А у меня самовар горячий. Дай, думаю, позову человека на чай-то...» От такого бабкиного заявления я и язык потерял. Было бы что под рукой, что бросить можно, — так бы и запустил в неё. Потом думаю: чего теперь уж, раз сел — пойду чай пить. Чай-то знатный оказался. А к чаю сюрприз — внучка бабкина. Ох, форсистая девка! Всё язвила: покатай да покатай на вертолёте. Я и не удержался — садись, говорю. Думал, испугается. Куда там! Мигом в кабину забралась. Ладно, думаю, покатаю, потом высажу где-нибудь рядом — доберётся. Только на дальнем круге передали мне: срочно на базу. Возвращаться, садиться — вроде как некогда, пришлось девку с собой везти. А на базе как назло проверяющие, комиссия. Сразу на красавицу мою: «Это кто?» Ей бы соврать, мол, спасённая от затопления, а она, с улыбочкой так: «Катаюсь!» Было делов...

Посмеялись рассказу Фёдора. Потом Павел напомнил, что надо пилить дрова. Собрались, пошли. Вернулись довольные, как обычно бывает после быстро и хорошо сделанной работы. Устроились уже теперь кому как удобней: кто за столом, кто у печи.

— Эх, хар-рашо! — широко потянулся Князь. — Такая благодать, помню, была, когда из зоны вышел: в баньку сходил, да как в избу зашёл, да на кровать упал...

— И за что тебя в зону, Гриша? Если не секрет, конечно, — спросил Фёдор.

— Да какой секрет?.. Вот мужики знают, наверное. За оскорбление личности. Личность тут как-то к нам в Кулигу приезжала. Да не одна, а несколько штук. Корреспондент из области, а с ним районное начальство. Чего их к нам занесло — не знаю, по дороге, видать, завернули. Рейд какой-то у них там был. Дело было вот так же, под весну. Я тогда слесарем на ферме работал. Зашли дорогие гости на ферму и попали на Люську Ручьёву — баба за словом в карман не полезет. Который главный в районной ватаге, стал ей пенять, что у неё коровы грязные. А та и скажи: «Ты не на коров смотри, а на меня, когда я силос мороженный на себе через весь двор таскаю. Бабу свою небось не заставил бы так», да большим матюгом его. И ушла. Тот стоит как оплёванный. Тут Славка Хвостов подскочил, директор наш, блюдолиз. «Вы, — говорит, — не обращайтесь на эту бабу внимания, её вся деревня знает: пьёт, мужиков через день меняет». Корреспондент тут заохал: ох, деревня, до чего же ты дошла, где кадры твои, деревня, ну и прочее в том роде. Главный стоит, насупился, остальные поддакивают. А я всё слышал, вот и встрял. Врёт, говорю, Хвостов, выслуживается. Что пьёт да мужиков меняет — не знаю, не пил с ней и не спал, а в чужие дела нос не сую. Только знаю, что на работе она всегда трезвая и двоих ребят без мужика поднимает, вдова потому что. А если хотите знать, говорю, молодой бабе, да с характером Люськиным, от работы такой в грязи да в навозе по уши, да всё на горбу, да без выходных, только в петлю лезть. И кто виноват в этом, говорю, надо ещё разобраться. Ну, корреспондент боком от меня, в блокнот что-то пишет, а главный присмотрелся и говорит: «Ты что — пьяный, что ли?» А я точно с похмелья был, заметно. «Вот-вот, — встрял корреспондент, — иди проспись сначала». Тут я взъелся: да я же вижу, говорю, что ты ни при каком случае со мной разговаривать не будешь, я же для тебя чушка, а не человек. «А мне с тобой разговари-

вать не о чём», — говорит корреспондент. А мне есть о чём, говорю. И как врезал ему! Он брык — в яму около навозоуборочного транспортёра. Одна рука с блокнотом из жижи торчала... Да, была бы там чистая водичка, может, годок прокурор скинул бы.

Помолчали.

— Да-а, жизнь такая штука, — протянул Фёдор.

— Такая, — задумчиво согласился Павел.

— Чего-то Толя не идёт. Обещал вроде, — сказал из угла Рыжик.

— Да ладно, чего уж... У них с Галькой теперь другие дела, — махнул рукой Князь. — А ты лучше скажи-ка, друг милый Коля, почему ты до сих пор не женился? Поди сорок, наверное, скоро. И если не женишься, то кому ты столько домов строишь? Живёт один с матерью, а уже третий дом в деревне строит. И всё в разных местах. И кому?

— Как кому? — растерялся от неожиданного вопроса Рыжик. — Один — маме с сестрой, один — себе, — и, вскинув на Князя пронзительно синие глаза свои, сказал тихо: — А третий — ей.

— Да кому — ей? Жене будущей?

— Нет... Ане... моей. Её уже десять лет как на свете нету. Любил я её. И она ко мне хорошо относилась. Пожениться решили. А за неделю до свадьбы приходит бледная вся, говорит: «Отпусти, Коля, другого люблю». Меня как обухом по голове. Не знал, что сказать. Долго думал, потом говорю: «Иди. Бог тебе в помощь, Аня». Что тут ещё скажешь... Ушла она, а вскоре узнал — вышла замуж. Они в Кедровицу уехали жить. А через год привезли Аню хоронить — умерла при родах. Так что ей я дом строю. Окнами на реку, очень она любила на реку смотреть, часами просиживала. А свой дом окнами на её могилку поставил. Одну её я любил и до сих пор люблю... — Рыжик замолчал, потупив вздрогнувшие слезой глаза.

— Да, сильная история, — выдохнул Князь. — И ведь никогда не рассказывал, никто не знал про жизнь Колюхину.

— Я знал, — тихо сказал Павел. — Догадывался. После смерти Аниной Коля мучился сильно, запил, — я думал, как бы руки на себя не наложил.

Снова все замолчали. Только слышен был неторопливый шаг столетних часов, видевших многие смерти и рождения и всё так же невозмутимо отмеряющих неумолимый ход времени.

Вот и всё. Утром мы улетели. Нас провожали Ермак, Федосья и Анатолий с Галиной. И внизу долго были видны четыре тесно стоящие фигурки, которые машут нам вслед, и как будто слышалось, как они кричат, кричат...

* * *

— Володя, очнись! — Дино, мой хороший знакомый, коллега и переводчик по совместительству, мягко тряс моё плечо. Он обычно провожал меня из Милана; на этот раз мы договорились, что я позвоню, когда узнаю время вылета.

— О, синьор где-то очень далеко, он не здесь, — разглядел моё отрешённое лицо Дино. — Наверное, синьор думал о чём-то... как это по-русски... сокровенном, да? И синьор, конечно, забыл зарядить свой телефон, он выключен. Володя, есть плохая новость — сегодня не улететь, Милан закрыт. Но есть хорошая новость — Турин открыли, там летают. У меня предложение: едем на моей машине в Турин, там... как это у вас... доберёмся. Да?

□

Владимир Евгеньевич ШНЮКОВ

родился в 1953 году в селе Пичуга на Северной Двине

(Архангельская область, Верхнетоемский район).

По образованию журналист,

окончил факультет журналистики

Ленинградского университета.

В «Севере» публикуется с 2005 года.

Долгое время жил и работал в Костомукше.

Живёт в Вологде.

